

Генерал-полковник фон Хорн предпринимал отчаянные попытки восстановить прежнее положение — закрыть прорыв. Он с лихорадочной быстротой снимал с других, менее активных участков фронта части, перебрасывал к месту прорыва, бросал их в яростные контратаки, но они, не добившись поставленной перед ними цели, сгорали в наступательном порыве советских войск, которые медленно, но твердо расширяли прорыв по фронту и в глубину.

По приказу командующего фронтом генерала армии Жукова Ермолаев ввел в прорыв подвижные части, лыжные подразделения и батальон Млынского. Целую неделю шли тяжелые упорные бои. На участке 5-й армии в прорыв был введен 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Доватора.

После двухнедельных наступательных боев на командный пункт армии Ермолаева неожиданно прибыл начальник штаба Западного фронта генерал-полковник Соколовский. Ознакомившись с оперативной обстановкой в полосе наступления армии, он высказал удовлетворение боевыми действиями армии, дал указание по «ВЧ» заместителю начальника тыла фронта генерал-лейтенанту Спиридонову усилить подвоз в армию Ермолаева боеприпасов, горючего и продовольствия. Перед отъездом командарм, угощая его чаем, спросил:

— Василий Данилович, может, вы нас просветите, как идут дела на других участках нашего фронта, а то мы с товарищами слабо осведомлены об этом.

Соколовский отпил глоток чая, улыбнулся, заговорил:

— На других участках фронта также успешно наступают наши армии. Так, 30-я армия генерала Лелюшенко, в которой немало сибиряков, после упорных боев выбила немцев из Рогачева и устремилась на Клин. 1-я ударная армия генерала Кузнецова, в составе которой доблестно сражаются военные моряки, освободила Яхрому и ворвалась на южные окраины Клина. 15 декабря Клин снова стал нашим. Одновременно развернулись бои в районе Красной Поляны, Крюково. В этом районе ведет успешное наступление ударная группа 16-й армии. Против 2-й танковой группы Гудериана ведут активные боевые действия 50-я армия и кавалерийский корпус генерала Белова. В районе Михайлова героически сражается 10-я армия. На левом крыле Западного фронта успешно продвигаются вперед, изгоняя фашистов с родной земли, войска Брянского фронта. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок и его штаб делают отчаянные попытки задержать наше наступление, залатать образовавшиеся бреши в своей обороне. Но армии группы «Центр», неся огромные потери и не имея достаточных резервов, боясь окружения, бросая тяжелое вооружение, вынуждены отступать.

Наша с вами задача: не давать им ни минуты покоя, никакой передышки. Гнать их все дальше и дальше на запад, истребляя фашистов, как бешеных зверей. Кто бросает оружие и сдается в плен или раненый попадает к нам, тех не трогать. Обращаться с ними в соответствии с международной конвенцией. Нужно иметь в виду, что и среди них много обманутых фашистами, одурманенных их идеологией людей. — Соколовский, взглянув на часы, быстро поднялся из-за стола, сказал:

— Мне пора. Нужно побывать еще у ваших соседей. Они тоже успешно наступают.

Ермолаев, обращаясь к Соколовскому, сказал:

— Большое спасибо вам, Василий Данилович, за хорошие вести. Это нас еще больше вдохновит для достижения поставленных перед армией целей. Очень отрадно, что наши армии наступают. Это для нас и всего советского народа — настоящий, большой праздник, — закончил командарм.

— И самое главное, что контрнаступление войск Западного фронта на всех участках успешно развивается, — отозвался Соколовский, тепло распрощавшись с членом Военного совета армии Голубем, генералом Горевым, вышел с Ермолаевым из КП, сел в машину и в сопровождении охраны отбыл на полевой военный аэродром.

Продолжение следует.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И БРЮСОВЦЫ

А. СМЕРНОВА-КОЗЛОВА

О творчестве поэта, ученого и философа Валерия Яковлевича Брюсова и его кипучей деятельности писали литературоведы, критики, историки и его биографы. Мне же хочется сказать несколько слов о нем как о добром, чутком и на редкость деликатном человеке.

Он был ректором ВЛХИ — Высшего Литературно-Художественного института, созданного его неутомимой энергией в 1921 году. После смерти своего создателя институт носил его имя. Этот вуз готовил художников и «инструкторов слова». Он находился на улице Воровского, 52, где сейчас размещается правление Союза советских писателей.

Август 1923 года. Абитуриенты ВЛХИ волнуются — идет последний, решающий экзамен — художественный коллоквиум. Особенно волнуемся мы, 17—18-летние, пришедшие на экзамены прямо со школьной скамьи. Вдруг по молодости и из-за отсутствия рабочего стажа не примут?.. А в литературе еще о себе не заявили.

Взбудораженные, сбились мы стайками в просторном вестибюле. Вдруг заметили человека, которого до сих пор на экзаменах не видели. Удивительно спокойный, он стоял в сторонке и на нас, молодежь, поглядывал очень дружелюбно, чему-то улыбаясь.

— Да он не из поступающих, поэтому так и спокоен, — догадался семнадцатилетний комсомолец Коля Богданов, впоследствии писатель, автор повестей «Первая девушка», «На укомовских столах» и других.

Иван Андреевич Козлов, как звали человека, поразившего нас своим спокойствием, позже рассказывал:

— Заявление-то я подал, а сам сомневаюсь: «Не для меня этот институт. Засыплюсь на эк-

заменах, — образования-то никакого. Стою, волнуясь, а когда вызвали к ректору, струхнул порядком. Думал — отказ. Но Брюсов встретил меня приветливо. Перед ним лежали мои документы. Краем глаза замечаю: в анкете подчеркнуто — «чл. РКП(б) с 1905 г.» и «занимаюсь литературным трудом».

— Знакомлюсь я с вашим делом, товарищ Козлов, и вижу — для нашего института вы очень подходите, — говорит мне Валерий Яковлевич, — выходец из батрацкой семьи, рабочий, бывший политкаторжанин, но... извините, пожалуйста, как у вас с образованием?..

— Окончил трехклассную церковноприходскую школу.

— Больше нигде не учились?

— Не пришлось.

— Может быть, самообразованием занимались?..

— Немножко. На каторге и в тюрьмах, — промямлил я, готовый услышать отказ. Но Валерий Яковлевич оживился. Начал расспрашивать, где, с кем и чем занимался, что читал. Меня тогда поразила его деликатность. Ведь я сразу понял, что это был очень строгий экзамен, тонко облаченный им в форму дружеской беседы. Она длилась более трех часов. Наконец, Валерий Яковлевич задал последний вопрос:

— А почему вы выбрали наш институт?

— Видите ли, Валерий Яковлевич, я немного пишу и хотел бы полностью отдаться литературной работе, а знаний и умения у меня нет. Хотелось бы поучиться.

За время беседы волнение Козлова улеглось, и он спокойно рассказал, что в 1920 году шла его пьеса «Подполье», в 1922 году — «Стена», а теперь он работает над повестью о событиях 1905 года, которую начинал еще на каторге. Тогда-то Михаил Васильевич Фрунзе, сидевший с ним в одной камере, и посоветовал заняться самообразованием. Вспомнил Козлов и о том, как Алексей Максимович

ТЕАТР -

А. КОЛЬЦОВА,
контролер МХАТа

Наш Художественный театр — старейший в Москве. Историю его создания, жизни охотно расскажут желающим в музее.

Моя задача скромнее. Я постараюсь ответить на письмо читателя Ю. Алексеева. Я думаю, оно очень интересно.

Итак, представьте себе. Весело, нарядно сияют огни нового здания нашего МХАТа на Тверском бульваре. Сивоз обживленную толпу театралов деловито пробирается человек с... раскладушкой. Может быть, он заблудился и принял театр за камеру хранения Белорусского вокзала? Нет, в руках у него, кроме раскладушки, билетик, и он уверенно направляется к входу. Отрываю контроль, пропускаю. Что подедаешь, нынче народ такой пошел! Спешат все, из магазина прямо к нам. Бывает, по зиме идут с лыжами, летом один с велосипедом пришел. А уж с покупками всякими круглый год идут. Чего только не принимаем на вешалку! За два-три часа, пока идет спектакль, мясо оттает и по-

Горький в марте 1917 года советовал ему настойчиво учиться и писать...

Брюсов встал и задумчиво сказал:

— Поздравляю, Иван Андреевич, мы принимаем вас без экзаменов. У вас были неплохие учителя.

«Меня всегда поражала какая-то очень волнующая забота Брюсова о студентах,— вспоминал потом И. А. Козлов.— Несмотря на огромную занятость, он никогда не отказывался помочь, когда нужно было что-то выхлопотать для своих питомцев».

О студентах Валерий Яковлевич действительно очень заботился. Тревожиться ему было отчего. Вот, например, такое заявление в стипендиальную комиссию:

«Ввиду того, что я начиная с августа систематически голодал, вследствие чего около двух месяцев болел (периодически), на службе нигде не состою. Литературный заработок почти ничтожный,— за два месяца написал одно стихотворение. Прошу зачислить меня на стипендию, ибо иначе я не только не смогу учиться, а просто околею с голоду...»

Михаил Голодный».

Голодный поступил в институт в 1923 году вместе с Михаилом Светловым и Александром Ясным. Эта неразлучная тройка всегда и всюду была вместе, и даже на комсомольских собраниях их выбирали в президиум только полной тройкой.

Ясный был прежде всего журналистом. В годы Великой Отечественной войны он редактировал дивизионную газету и погиб на фронте. Песни Михаила Голодного знают и любят разные поколения советских людей, особенно о Щорсе и партизане Железняке. Творчество поэта и драматурга Михаила Светлова овеяно революционной романтикой, его «Иаховка» и «Гренада» вошли в классику советской поэзии.

Валерий Яковлевич Брюсов, пристально следивший за появлением новых авторов, особенно выходцев из сельской и городской бедноты, сразу заметил эту комсомольскую тройку. Часто беседовал с ними об их литературной работе, быте, учебе.

Хотя стипендия и была основным источником студенческого существования, но жить только на нее было невозможно. Заботливый «Пролетстуд» изредка добывал нам ржаную муку, но чаще пшено. Уж тогда-то в наших общежитиях наступало пшеничное раздолье, воспетое бывшим брюсовцем Александром Безыменским в его поэме «Комсомолья». Изредка с каких-то военных складов нам присылали обмундирование. Однажды в партии этого добра попали пара валенок, два отреза на платья и черное драповое пальто.

Будучи в комсомольском активе, я участвовала в распределении вещей, когда дело касалось комсомольцев. Кому дать валенки и шерстяные отрезы, мы быстро решили, но кому дать пальто?.. Раздетых комсомольцев много, а пальто одно.

Пока судили да рядили, сидя на втором этаже в комсомольской комнате, оборудованной нами в домашней церкви графского особняка, к нам неожиданно зашел Брюсов. Мы вскочили со своих мест и на его приветствие отвечали вразнобой:

— Здравствуйте, Валерий Яковлевич! Привет, товарищ Брюсов!..

— Садитесь, товарищи, прошу вас! — сказал ректор, чтобы рассеять наше смущение.— Извините, я помешал вашим занятиям. Скажите, пожалуйста, кому вы рекомендуете дать пальто?..

— Сами не знаем. Сидим, ломаем головы над этим.

— Дайте его, пожалуйста, товарищу Маша-

швили. Он южанин, а одет очень легко. Комсомолец с подпольным стажем и талантливец.

Обрадовавшись, мы дружно проголосовали «за». Через два дня после своей лекции Брюсов подошел ко мне и спросил:

— Товарищ Смирнова, получил Машашвили пальто?

— Второй день щеголяет в нем.

Не обманулся Валерий Яковлевич в Машашвили. Поэт, драматург Алио Мирцхулава (Алексей Андреевич Машашвили), одного из основоположников грузинской советской поэзии, в республике знают все. В комсомол вступил еще в подполье. Стихи начал писать очень рано. Его первый сборник вышел в 1921 году. Стихи Мирцхулавы включены в школьные программы грузинских школ, ему присуждена Государственная премия, он удостоен ордена Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции, Красной Звезды и «Знак Почета».

В наш институт Машашвили поступил в конце января 1924 года. По предложению В. Я. Брюсова его приняли без экзаменов. А осенью 1924 года Алио перевелся от нас в ГИЖ — институт журналистики.

Если полистать личные дела других бывших студентов-брюсовцев, обнаружатся от времени пожелтевшие клочки бумаги, на которых изложены просьбы помочь обмундированием, талонами на трамвай, на столовую и т. д. Все было раздеты, разуты. Артем Веселый, например, просил дать ему белье, ботинки и «штаны с пинжаком».

Талантливый писатель Артем Веселый — Николай Иванович Кочуров, член партии с марта 1917 года, бывший морж, активный участник Февральской и Великой Октябрьской революций и гражданской войны, бывший чекист, держал экзамен вместе с нами. На экзаменах не справился с математикой, и по русскому языку были огрехи. Когда спросили Брюсова, как быть, тот ответил:

— Ничего. Артем Веселый и без математики будет писать хорошо.

Веселому тогда было 24 года, а нам казался он пожилым. Он родился в семье саратовского грузиника. С 11 лет сам стал зарабатывать на хлеб. Жизнь нещадно мотала его по своим ухабам. Впечатлительного и наблюдательного юношу потянуло к литературному творчеству, — он пишет рассказы, очерки и пробует силы в жанре повести. Начал печататься в 1918 году. Учиться Артему было очень трудно не столько из-за недостаточной подготовленности, сколько из-за болезни и перегруженности партийной и общественной работой. Даже подал заявление: «Ввиду чрезмерной перегрузки общественной работой, совершенно не имею возможности учиться. Прошу исключить меня из числа студентов».

К заявлению приложил от врача справку о затемнении у него верхушек легких и неполадке с сердцем.

Встревоженный Валерий Яковлевич вызвал Веселого к себе, уговорил не уходить из института, взять отпуск. А Козлова, которого назначили освобожденным парторгом, попросил:

— Пожалуйста, достаньте путевку Веселому, его надо серьезно лечить.

Артем взял отпуск на несколько месяцев и, не дожидаясь путевки, укатил собирать материалы об Одиннадцатой армии и революционном движении на Кубани, в Черноморье, Ставропольской и Тверской областях.

А сколько потратил Брюсов душевных сил и времени с Иваном Приблудным! Иван При-

блудный — Яков Петрович Овчаренко родился в 1905 году. Рано осиротев, беспризорничал. Попал в дивизию Котовского пятнадцатилетним парнишкой, был «сыном полка». Участвовал в боях. Затем приехал в Москву поступать в брюсовский институт, а подготовка — пять классов сельской школы.

Валерий Яковлевич долго беседовал с Приблудным и, наконец, сказал:

— Мы можем принять вас условно, но вам надо очень много работать. Учиться без отдыха. Тогда ваш талант раскроется в полную силу.

Пообещав следовать этому совету, Иван тут же забыл о нем. Вместо серьезных занятий его тянуло на какие-нибудь иной раз озорные выдумки.

Ему ничего не стоило в одних трусах и майке зимой выйти на улицу Воровского и лазить по деревьям, пугая богомолков, спешащих в церковь Бориса и Глеба. А однажды перепугал не только богомолков.

В институте внизу, с левой стороны мраморной лестницы, ведущей в вестибюль, в те годы стоял рыцарь с мечом в руке, закованный в воинские доспехи. Не долго думая, Иван вытряхнул рыцаря из его доспехов, облачился в них и встал на место рыцаря. Входящим в парадное он салютовал мечом, а иным преграждал путь. Эта «шутка» не осталась безнаказанной. На собраниях в общежитии и в учебной части его поведение обсуждали не раз. Выносили выговоры, грозили исключением из института и из общежития. Но... все напрасно.

Веря в талант Приблудного, Валерий Яковлевич много раз беседовал с ним, тот снова давал обещания и опять срывался. Но студенты любили Ивана за его незлобность и за талантливые стихи. Когда в лекциях было «окно» и если Иван был в аудитории, все хором просили «Ваньку Приблудного» читать стихи. Они были звучные, напевные. В то время он был под большим влиянием Сергея Есенина. Иной раз, придя в столовую и выключив тарелку супу, в ожидании, пока его принесут, успевал написать целое стихотворение, а через несколько дней оно появлялось в печати.

Два сборника — «С добрым утром» и «Тополь на камне» — выбрали его стихи, написанные в 1923—1929 годах. Стихи Приблудного всегда были глубоко и искренне патристичны.

...О доброте, отзывчивости и деликатности Брюсова, о его тревогах за судьбы молодых талантов можно было бы говорить много. Студенты его не только уважали, но и любили всей душой, поэтому очень тяжело переживали его смерть.

Все брюсовцы хранят в своей памяти образ человека в черном костюме, белоснежной манишке, ровным, негромким голосом с кафедры института читающего лекции по античной литературе. Запомнились его удивительная, застенчивая улыбка, покоряющая собеседника, и взгляд, полный затаенной грусти.

ЭТО ПРАЗДНИК

течет на пол. Случается, и молоко прольется из пакетов. Но самая беда — модные чемоданы: неустойчивые, падают, бутылки, которые в них припасены, бьются.

Гардеробщицами сейчас у нас все больше женщины, да пожилые... Сама я в театре с 1932 года. До войны только мужчины работали на вешалке, да в те времена и публичка была другая — и спектаклю люди готовились заранее. Кавалер придет с дамой, сам в калошах, дама в ботинках — иногда попросит гардеробщицу помочь даме пальто надеть или ботинки застегнуть, вот и вся работа, а свертков тяжелых или рюкзаков — так этого вовсе не было!

Оставалась я в театре и во время войны. Пона труппа была в эвакуации, сохраняли костюмы, декорации, шили для фронта, сами разгружали дрова, уголь, ездили на картошку. Тяжело было, но, когда актеры вернулись, театр вновь ожил. Публичка — все больше военные, кто проездом, кто в отпуск. Но все старались приходить в полном порядке, а мы у себя держали щетки, гуталин, да же иглолки с нитками. После войны публичка снова понаряднее пошла: у каждой женщины заветное

«выходное» платье, туфельки. Их хранили, зря не надевали, и все было свежее, чистое. Женщины сами изобретали себе украшения. Как-то зимой одна молодая дама подходит ко мне в гардеробе и шепчет, что раздеться ей надо незаметно. Оказалось, она прикрыла цветок на платье стаканом, чтобы не помять лепестки под пальто. Вот как раньше относились к театру! А сейчас, смотришь, идут в джинсах, мягких свитерах, лохматые, непричесанные, хотя порой и в драгоценностях.

А как красиво и просто одеваются актеры!

Я-то ведь еще при К. С. Станиславском и Вл. И. Немировиче-Данченко служила. Всех артистов помню. Москвина, Лилину, Книппер-Чехову, Еланскую, Тарасову...

Работала я и гардеробщицей, и курьером, и контролером. Роли разносила, вызывала на репетиции, передавала цветы от почетателей таланта. Бывало, хочу помочь одеться Михаилу Николаевичу Кедрову, а он смущается: говорит, не надо, мол, Нюрочка, — меня так все звали... А мне в радость было уважить хорошего артиста!.. А дисциплина каная была в театре! Артисты приходили на

спектакль за полтора часа! На сцену никого не вызывали, как сейчас по радио по несколько раз: все ждали своего выхода. Не дай богу лишний раз скрипнуть дверью. Актеры стояли, чтобы не помять костюм... А сейчас и в буфет пойдут, и едят, и курят, не переодеваясь... Жилось многим артистам трудно, но из театра Константин Сергеевич почти никого никуда не отпускал. Помню, когда Николая Петровича Баталова пригласили сниматься в фильме «Путевка в жизнь», чуть ли не из правительства звонили К. С. Станиславскому — уговаривали... Сейчас, конечно, время другое. Артистов и на радио и на телевидение приглашают. Вот и влетает он в свой театр в последнюю минуту. Где уж заметить кого, шляпу снять, поздравиться. Да и одеваться стали тоже как нынешние зрители. Даже народные в джинсах.

Но больше всего со зрителем воюем: так и норовят в зал пойти в шапке и с портфелем. Уговариваешь каждого: «Ну отдохните хоть от своих вещей, оставьте их в гардеробе». Один согласится, а другой еще обидится! Мол, не учите меня! Одна молодая женщина заявила, что ее шапка дорого

стоит! Не доверлет гардеробщице. А потом уронила шапку в зале. Хорошо, соседи нашли и передали. Грех один! Сами себе праздник портят. Жалко мне таких. Правда, сейчас на все это мало внимания обращают. Одно время во Дворец съездов женщины в брюках не пускали, а сейчас так и положено. Перестали женщины и туфельки в театр носить, а ведь нарядное платье не смотрится с сапогами. Но ничего это уже не удивляет: вроде никто и не понимает, что некрасиво одет. Не знаю уж, право, почему так. То ли устать больше стали люди? То ли мы не понимаем нынешней «моды», устарели? Да, правду сказать, почти пятьдесят лет я в театре работаю, Екатерина Михайловна Илюхина почти сорок... Но ведь и молодые есть, со гласные с нами, приходят нарядно одетые, радостные, славные такие. И думаешь: может быть, наш разговор не напрасен. Ведь для большинства зрителей театр все же остается праздником не только для души, но и просто праздником. Я слышала, что в Прибалтике категорически не пускают людей в полудомашнем виде в общественные места. Вот везде бы такой порядок завести.